

УДК 321.7

***ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
В ИСТОРИИ РОССИИ***

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России,

Краснодар, Россия

Аннотация

Представлен историко-правовой обзор развития в России института прав человека и гражданского общества в контексте их конституционного (законодательного) регулирования. Отмечается, что процесс становления данного института был чрезвычайно противоречивым и сопровождался, как правило, консервативной позицией правящей элиты, не желавшей поступаться своими привилегиями, а также несоответствием юридических норм складывавшейся реальности. Делается вывод о том, что без повышения общественной активности граждан институт прав человека в России не может быть эффективным.

Ключевые слова: права человека, общество, закон, конституция, цивилизация, привилегии, граждане, протест.

***HUMAN RIGHTS AND CIVIL SOCIETY
IN THE HISTORY OF RUSSIA***

Uporov I. V.

Doctor of History, Candidate of Law, Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Krasnodar, Russia

Annotation

The article presents a historical and legal review of the development in Russia of the institution of human rights and civil society in the context of their constitutional (legislative) regulation. It is noted that the process of formation of this institution was extremely controversial and was accompanied, as a rule, by the conservative position of the ruling elite, who did not want to act with their privileges, as well as the discrepancy between the legal reality that was taking shape. The conclusion is made that without increasing the public activity of citizens, the human rights institution in Russia cannot be effective.

Key words: human rights, society, law, constitution, civilization, privileges, citizens, protest.

Проблема прав человека и гражданского общества чрезвычайно болезненна для России. В истории нашего государства длительное время не ставился вопрос о соразмерности по уровню развития и гарантированности личных прав и свобод граждан с ведущими странами. Однако с начала 1990-х гг. Россия сделала кардинальный шаг вперед - формально, то есть конституционно-законодательно, Россия подошла, наконец, к высшей планке, достигнутой человечеством в сфере прав человека: признала и закрепила в Конституции России 1993 г. и других правовых актах практически все положения Всеобщей декларации прав человека [1], принятие которой ООН в 1948 г., как справедливо отмечает А.Б. Аксенов, «создало предпосылки для единообразного понимания различными государствами основных прав человека, predeterminedных глобализацией и необходимостью решения мировых проблем, имеющих общечеловеческое значение» [2, с. 63]. Важно также заметить, что этот шаг (принятие Конституции России 1993 г.) был сделан, несмотря на состояние социально-экономического кризиса, который де-факто перечеркивал многие формально провозглашенные

ценности ввиду их нереализуемости (и по сей день значительная часть конституционно закрепленных прав и свобод гражданам России недоступна). Этот парадокс, присущий России (стремление к цивилизационным высотам при заведомом их недостижении) позволит прояснить, как мы полагаем, историко-правовой обзор развития института прав человека в России. Следует заметить, что данная проблематика в той или степени затрагивается в трудах многих правоведов и историков (Л.В. Воеводин, И.А. Исаев, И.А. Кравец, Н.И. Лазаревский, Е.А. Лукашова, В.С. Нерсесянц, Р.А. Ромашов, А.Х. Саидов, А.Н. Сахаров, В.А. Томсинов и др.). Вместе с тем обобщающих работ с выделением основных событий и тенденций, определявших государственную политику в этой области общественных отношений, сравнительно немного.

В этом контексте следует заметить, что первые письменные памятники (из обнаруженных) появились в России, как известно, лишь в X веке. Историкам еще предстоит поломать головы над этой удивительной запоздалостью - ведь позади уже были древневосточные и античные цивилизации, а с просвещенной по тем временам Византией Россия даже граничила. Возможно, причиной тому были непрерывные миграции праславянских племен в поисках более благодатных мест обитания, возможно, дело в особенностях народов евроазиатского типа, возможно, имели место иные причины - как бы ни было, можно констатировать, что лишь в XI веке (точная дата не установлена) появилась, наконец, запись обычного права в виде Русской правды, где некоторым образом определялись границы прав тогдашних наших предков. В дальнейшем создаются пространная редакция Русской правды, принимаются судные грамоты (Двинская, Псковская), церковные уставы, разного рода земские, таможенные и другие грамоты. В этих правовых актах статус сословий, и особенно в процессуальных аспектах, регулируется уже на значительно более высоком (применительно к эпохе XI-XV вв.) уровне. После преодоления раздробленности и освобождения от ордынского влияния, принимаются сначала Судебник 1497 г., а затем Судебник 1550 г., а еще через сто лет - Соборное уложение 1649 г. Здесь уже заметна Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

рецепция западного права (в частности, германской Каролины XVI в. и Литовского статута XVII в.). И по многим параметрам Московское государство уже не отстает от европейских стран, куда переместился центр цивилизации. По многим - но не по всем. Так, низшие, «тягловые» слои населения, а оно составляло большинство (крестьяне, холопы, слуги и т.д.), по-прежнему оставались в зависимости от своих хозяев, не приобретя каких-либо прав, которые принципиально расширяли бы их свободу в основных сферах социально-экономической жизни. Более того, крепостная зависимость значительной части крестьян еще более усилилась и была закреплена законодательно (в том же Соборном уложении). Это не означает, что Россия в средние века совершенно была лишена демократических проявлений - они были, и не могли не быть, поскольку заложены в самой человеческой природе. Свидетельство тому - Новгородская и Псковская республики (по данным некоторых историков, феодально-республиканская форма правления имела место и на Вятке [3, с. 27]), где при всех оговорках наблюдалась максимальная приближенность к достигнутому на тот период уровню народовластия. Можно также указать на земские соборы, которые созывались властями в критические для страны время. Но, увы, республики были смяты силой Московского княжества, а соборы абсолютным российским властителям были просто не нужны.

И уж совсем мало связываются права человека с петровской эпохой. Бесспорно, Петр I был велик - по масштабам задуманных и проводимых в России реформ (равно как по заимствованию и навязыванию нашей стране западного образа жизни). Однако вопрос о том, какой людской ценой они достигались и стоит ли такая цена таких реформ, остается открытым. Отметим другое - абсолютный монарх, император Петр I, насильно и «сверху» вводя некоторые демократические начала (например, поощряя и продвигая деловых и умных людей из простых сословий), отнюдь не имел в виду предоставление российским поданным тех прав и свобод, кои уже давно имели те же англичане или французы.

Просвещенная императрица Екатерина II, при всех ее заслугах перед Отечеством, в 1765 г. издает указ, согласно которому «буде кто из помещиков людей своих по предрозостному состоянию заслуживающих справедливое наказание, отдавать пожелает для лучшего воздержания в каторжную работу, таковых ... принимать и употреблять в тяжкую работу на такое время, на сколь помещики их похотят» [4]. В этом же ряду и ее отношение к известному «Путешествию из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, который первоначально за публикацию этой книги с описанием реального положения дел с правами поданных империи был приговорен к смертной казни (замененной ссылкой), а т.н. «суд» по «делу Радищева» исследовал, по сути, единственный вопрос – кому и сколько экземпляров своей книги Радищев успел продать [5, с. 172-194]. И это под занавес XVIII века - века становления либерализма, коим так любила похвастать Екатерина II.

При таком гнете личности неудивительны протесты - Разин, Булавин, Болотников, Пугачев, в определенной мере отражая общественные настроения, подымали массы униженных и оскорбленных на бунт, который, по меткому выражению Пушкина, действительно во многом был бессмысленным и беспощадным: Петр повесил уже мертвого Булавина, Екатерина четвертовала Пугачева - дабы другим неповадно было. С точки зрения государственного (позитивного) права все эти восстания и бунты действительно были преступлениями. Но не будем забывать о том, что, как писал выдающийся русский ученый-правовед Н.М. Коркунов, в основе позитивного права, каким бы разнообразным и изменчивым он ни было, лежит право естественное, или «вечное право природы» [6, с. 93]. В свое время американские колонисты, вознамерившиеся стать самоуправляемыми, то есть независимыми от Англии, также были объявлены бунтарями-преступниками, и против них была применена сила. Однако колонисты выстояли и создали небезызвестные США, причем, в Декларации независимости 1776 г. они не забыли закрепить положение о том, что «когда длинный ряд злоупотреблений и насилий ... обнаруживает стремление подчинить народ

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

абсолютному деспотизму, то право и долг народа свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей деятельности» [7]. И теперь победа тогдашних американских «преступников» ежегодно отмечается в США как национальный праздник. А вот пугачевщина (совпавшая по времени с апогеем американского освободительного движения), сопровождаемая смертями и кровью с обеих сторон, потерпела поражение. Иного в России, очевидно, и не могло быть, ибо слепой бунт он и есть слепой. Да и о каких правах человека, о каком гражданском обществе, о какой демократии (власти народа) можно было тогда в России говорить, если народ шел за Пугачевым не как за освободителем от тирании (наподобие Кромвеля в Англии), а как за «истинным» царем-батюшкой, и вряд ли, окажись вдруг Пугачев у престола, положение с правами человека у россиян изменилось бы кардинальным образом.

И лишь в XIX в. идеи равноправия людей, народовластия стали, наконец, проникать в сознание российского общества, но этот процесс был очень противоречив и полон политико-правового драматизма. Известно, например, что Александр I был не чужд либеральному направлению во внутренней политике государства (например, обсуждался проект «Уставной грамоты Российской империи»), однако правящий класс аристократии не допускал и самой мысли об изменении государственного строя, не считал позорным сохранение крепостного права (равно как и телесных наказаний), и этот российский император отступил. О позиции его сына Николая I достаточно судить по тому факту, что он лично допрашивал декабристов, был очень доволен своей победой над этими «злодеями», вознамерившимися установить в России демократический строй и гражданское общество, и настоял на жестоких наказаниях элитных офицеров России. Во второй половине XIX в. происходит, наконец, первый крупный прорыв в сфере прав человека в России - осуществляются (пусть неполно, ограниченно, но тем не менее) крестьянская, судебная, земская и городская реформы. Тягловое население получило возможность самоопределения - многовековая зависимость тех же крестьян от своих хозяев более не довлела над личностью. Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

Но только наивный человек может подумать, что это произошло по доброй воле правителей России. Нет, императоры и их окружение вынуждены были начать преобразования, ибо в противном случае могла случиться еще одна пугачевщина - призрак этого уже витал в российском обществе в лице народовольцев и иных подпольных революционных организаций. Впрочем, после убийства в 1881 г. Александра II, в некоторой степени все же приверженного с либеральным взглядам, власти вновь, как известно, усилила репрессии, прибегнув к сугубо полицейским методам управления. Но не забудем, что уже наступал XX век, и главный, по-прежнему актуальный, лозунг европейских буржуазных революций («свобода, равенство, братство!») не мог обойти стороной крупнейшую страну евразийского мира. И тогда случился второй крупный прорыв в достижении россиянами своих гражданских, естественных и неотчуждаемых прав - принятие Основных государственных законов (ОГЗ) в новой редакции (23 апреля 1906 г.), которые в литературе не без оснований называют первой российской конституцией [8; 9]. В этом акте налицо ряд демократических институтов, в том числе предусмотрена избираемая населением Государственная Дума. Бесспорно, это шаг вперед в развитии института прав человека в истории России. Однако, и этот ход властей был вынужденным, своего рода подачкой общественному мнению, поскольку в этом же самом акте читаем: в ст. 4 - «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает» [10]; в ст. 9 - «Государь император утверждает законы и без Его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения» [10]; в ст. 10 - «Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского» [10]. Слов «народ», «депутат», «власть народа», «представительство народа», «граждане» и т.п. в ОГЗ РИ 1906 г. нет и близко (используется: «члены Государственной Думы», «подданные»). В литературе А.Н. Медушевским небезосновательно указывается на то, что, несмотря на такого рода либеральные изменения,

Россия по содержанию властных полномочий верховной власти оставалась «самодержавной монархией» при «мнимом конституционализме» [11, с. 44]. По сути, в образе государственного правления мало что изменилось (формулировка в указанной ст. 4 появилась еще при Петре I и оставалась неизменной 300 лет!).

Последовавший затем буржуазно-демократический прорыв, упразднивший сословия (февраль 1917-го) сравнительно быстро погас, поскольку Временное правительство оказалось слишком аморфным и не смогло решить ни одной крупной социально-экономической, военной или политической проблемы. Были провозглашены основные буржуазно-демократические права и свободы. Но для того времени одного лишь провозглашения было уже недостаточно. Необходимы были конкретные и решительные действия по выходу страны из тупика, в который она была загнана в предшествующие годы. Требовались, в частности, экстренные меры в связи с войной, по удержанию и укреплению рычагов текущего управления государством, качающегося как корабль в штормовую погоду; требовались экстренные меры социального характера в отношении миллионов пролетариев и других слоев населения; требовались экстренные меры политического свойства, дабы не столкнуть россиян в гражданской войне. Таких мер принято не было. Впрочем, было у Временного правительства одно замечательное дело, и касалось оно Учредительного собрания. Впервые в истории России простые россияне получили право участвовать в выборе будущего своей страны. Но грустная судьба «Учредиловки» известна.

Государственную эстафету перехватывают большевики. Можно много говорить о незаконном захвате власти большевиками (вспомним американских колонистов) и осуждать их за это. Но нельзя не видеть, что довольно скоро советская система была легитимизирована путем выборов в высшие и местные органы власти (Советы разных уровней). И мировое сообщество признало Советское государство. Нельзя не видеть, что в своих программах РКП (б)-ВКП (б) выдвигало в общем-то благие цели. Декларация прав трудящегося и эксплуа-

тируемого народа (1918 г.) и иные документы первых лет Советской власти поддерживались, вероятно, большинством российского населения, так как отражали насущные проблемы многих людей, не решаемые до этого, и новая власть предоставляла им, наконец, естественное и уже общепризнанное к тому времени право самим определять свою жизнь; стало быть, в этом смысле принцип демократии соблюдался. Не забудем также и того обстоятельства, что при всех акцентах на жесткие принудительные методы регулирования («красный террор», продразверстка и др.) советская власть смогла одержать верх в Гражданской войне только за счет более широкой общественной поддержки; в противном случае от этой власти сейчас остались бы они воспоминания. Поэтому в октябре 1917-го имел место уже не бессмысленный и беспощадный бунт - здесь налицо определенная осмысленность своей позиции у «трудящихся масс», выражаемая партией большевиков в виде целей и задач «пролетарской революции», хотя, безусловно, односторонне и весьма ограниченно.

Однако, предоставляя абсолютные права своему классу («пролетариев и беднейшего крестьянства») и уничтожая другой («эксплуататоров» - капиталистов, помещиков, жандармов и т.д.), большевики в сфере прав человека пошли по тому же, что и раньше, губительному для России пути, разделяя права жителей одной страны-семьи по социальному происхождению, то есть устанавливая правовое неравенство. Через несколько десятков лет революционный романтизм и индустриальный энтузиазм строителей светлого будущего (коммунизма) стали угасать, не выдерживая испытания «происками» бесчисленных «врагов народа», страхом, коррупцией, ГУЛАГом, культом личности, алчностью партийно-советских князьков, показухой, зажимом многих общепризнанных политических и гражданских прав и свобод (печати, собраний, политической деятельности, свободы передвижения, достойной зарплаты, собственности), бесчисленными пустыми обещаниями. Великая цель построения коммунизма, несмотря на безусловные, и немалые достижения советского государства в самых разных сферах жизни, стала меркнуть.

В последней союзной Конституции СССР 1977 г. было всесторонне закреплено правовое положение личности, в том числе в ст. 34 указывалось: «Граждане СССР равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств. Равноправие граждан СССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни» [12]. Этот важнейший тезис о равноправии всех граждан в таком всеобъемлющем виде впервые был отрегулирован на конституционном уровне, что стало конституционным продолжением принятой ранее XXII съездом КПСС партийной программы в новой редакции (1961 г.), где конституционный тезис находил политико-духовные основы, в частности, КПСС раскрыла понятие морального кодекса строителя коммунизма, куда были включены следующие нравственные принципы: «преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма; добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку - друг, товарищ и брат» [13, с. 54-55]. Однако замечательные сами по себе принципы существенно расходились с действительностью. В той же Программе КПСС было дано торжественное обещание построить к 1980 г. материально-техническую базу коммунизма., но вместо этого страна получила экономический спад и всеобщий дефицит потребительских товаров.

И здесь требовалось политическое мужество - посмотреть реальности в глаза, признать практическую утопичность государственного курса, изменить приоритеты в соответствии с мировым опытом. Однако, вместо этого, как и раньше, вновь властелины - начиная от Генерального секретаря и членов Полит-

бюро ЦК КПСС и кончая областными, городскими и районными бонзами, до последнего цеплялись за привилегии, прикрываясь политическими лозунгами. Такое отношение привело к социальной апатии большей части населения, включая миллионы рядовых коммунистов, мучительно и долго переваривавших и переживавших несоответствие между крикливыми декларациями о загнивании и правовом лицемерии «за бугром» и о нашем процветании в СССР - с одной стороны, и реальностях собственной грешной земли - с другой. Советские граждане не имели достаточных возможностей для самовыражения, реализации своего потенциала в разных сферах жизни, у них не было необходимой свободы, и отсутствие ее уже не сглаживалось относительно спокойной и стабильной обстановкой в обществе. И постепенно возникла ситуация, если, например, иметь в виду школу, когда «учителя и ученики часто не видели в разглагольствовании на темы морального облика строителя коммунизма ничего, кроме набившей оскомину болтовни. Увеличивался разрыв между словом и делом, многое делалось для галочки» [14, с. 141].

Терпение советского народа стало переходить через край к концу 1980-х гг. – на исходе знаменитой горбачевской «перестройки». Улицы заполнились демонстрациями и митингами. В 1991 г. СССР не стало. Власти были опрокинуты - на сей раз относительно мирно. Это очень важный момент - мирность протеста российского народа в конце XX в. Мы расцениваем это как капитальнейший шаг вперед в общественно-политическом развитии нашей страны. Первый и последний Президент СССР М.С. Горбачев, сложив полномочия в декабре 1991 г., не ушел в небытие, он не был осужден, не был подвержен остракизму, его права как гражданина и как человека не были попраны, более того, Горбачев остался в политике (при этом совершенно не имеют значения его политические взгляды). Это небывалый в нашей истории случай, и это позитивный знак, подтверждающий вхождение России в нормальное государственное русло, когда в рамках конституционного пространства могут сосуществовать разные политические подходы. Как итог тех событий россияне получают Конституцию России 1993 г.,
Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

впервые принятую всенародным голосованием и где вмещены все основные достигнутые цивилизацией общественные ценности. Россияне, наконец, получили политическую и социально-экономическую свободу. Вместе с тем довольно быстро пришло осознание того, что избрание новой власти по своему выбору - это отнюдь не панацея от всех социальных бед и проблем. Например, так называемая монетизация льгот повлекла за собой многочисленные митинги населения в начале 2005 г. – против решений той власти, которую сами же граждане и выбирали. Сравнительно недавно (2018 г.) был повышен пенсионный возраст, что также вызвало недовольство значительной части граждан, усмотревших в таком решении ущемление свои социальных прав. Этот и другие факты говорят о том, что недостаточно раз в 4-5 лет прийти на избирательные участки и проголосовать на очередных выборах. Необходим повседневный контроль за деятельностью властей всех уровней, и здесь формальной стороной уже не обойтись. Здесь нужна материализация активности населения, иными словами говоря, важнейшее значение приобретает укрепление в России гражданского общества. Поэтому важнейшей задачей в социально-политической сфере современной России является именно построение гражданского общества, для которого созданы формальные основания, но необходимость которого пока еще недостаточно осознана населением России. Только при таком подходе институт прав человека, теперь уже признанный всеми общественно-политическими структурами, может перейти, наконец, от формальной стадии к действительности.

Библиографический список:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Резолюцией Генассамблеи ООН от 10.12. 1948 г.) // Международное публичное право: Сб. документов. Т.1. - М.: БЕК, 1996. - С. 460-464.
2. Аксенов А.Б. Всеобщая Декларация прав человека и проблема универсализации прав человека // Вестник экономики, права и социологии. - 2018. - №1. - С. 59-63.

3. Зубаиров М.Г. Выборные органы власти и управления Новгородской и Псковской феодальных республик // Правовое государство: теория и практика. - 2020. - № 1 (59). - С. 21-28.

4. Указ от 17.01.1765 г. «О приеме Адмиралтейской Коллегии присылаемых от помещиков для смирения крепостных людей, и об употреблении их в тяжкую работу» // ПСЗ-1. - № 12311.

5. Эльмурзаев И.Я. Инакомыслие в период правления Екатерины II и деятельность органов государственной власти по его подавлению: историко-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2010. - 212 с.

6. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – СПб.: Юрид. книжн. магазин Н. К. Мартынова, 1909. – 354 с.

7. Декларация независимости США (принята единогласно тринадцатью соединенными Штатами Америки, подтверждена Конгрессом 04.07. 1776 г.) // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. и перевод: О.А.Жидков. М.: Прогресс, Универс, 1993. С. 12-14.

8. Яцкова А.П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. - первая российская конституция: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2001. – 217 с.

9. Смирнов С.Н. К вопросу о первых этапах генезиса конституционного статуса личности в России: отечественный опыт в контексте конституционной практики зарубежных стран // Закон и право. - 2018. - № 10. - С. 34-42.

10. Свод законов Российской империи. Часть 1. Т. 1-4. - СПб.: Тов-во А.А. Левенсона, - 1910. - 1280 с.

11. Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. - 1994. - № 8.- С. 30-46.

12. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977 г.) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25. 07. 2020 г.).

13. Программа Коммунистической партии Советского Союза (принята на XXII съезде КПСС 31 октября 1961 г.). - М.: Госполитиздат, 1961.- 144 с.

14. Борисенков В.П. Научно-технический прогресс и проблемы воспитания молодежи // Образование и наука. - 2006.- № 2. - С. 140-144.

Оригинальность 91%